

Пелевина О.В.

*Амурский государственный университет
675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
olpelevina@gmail.com*

Православие и китайцы в религиозном ландшафте дальневосточного порубежья: исторический контекст

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению истории православия среди китайцев в условиях религиозного ландшафта дальневосточного порубежья. В работе представлены данные о распространении православия среди китайских подданных Приамурья в середине XVII в. – второй половине XIX в. Приводятся сведения о численности православного китайского и маньчжурского населения в Амурской области на рубеже XIX – XX вв. Раскрываются особенности восприятия православными русскими китайских подданных на рубеже XIX – XX вв. Автор приходит к выводу, что исторически случаи обращения китайского и маньчжурского населения в православие не имели массового характера. Об этом свидетельствуют как статистические материалы, так и данные периодических конфессиональных изданий. Вместе с тем принятие китайскими подданными православия воспринималось духовенством как дело перспективное, способствовавшее развитию межкультурной коммуникации. Представления дальневосточного духовенства о религиозном ландшафте дальневосточного порубежья включали священные места инорелигиозного происхождения, в том числе китайско-маньчжурские святыни. Для православного сознания освящение территории дальневосточного порубежья было связано с храмостроительством, присутствием христианских святых. Среди константных образов христианских святых выделяется св. Николай, а также Богородица.

Ключевые слова: китайцы, маньчжуры, религиозный ландшафт, дальневосточное порубежье, Приамурье, миссионерская деятельность, православие

Olga V. Pelevina

*Amur State University
21 Ignat'evskoe shosse, Blagoveshhensk, 675027, Russia
olpelevina@gmail.com*

The Orthodoxy and Chinese in the Religious Landscape of the Far Eastern Borderland: Historical Context

Abstract. The article examines the history of Orthodoxy among the Chinese in the context of the religious landscape of the Far Eastern borderland. It presents data on the spread of Orthodoxy in the Amur region among Chinese subjects in the middle of the 17th century – second half of 19th century, as well as information about the number of Orthodox Chinese and Manchus in this region at the turn of the 19th – 20th centuries. The features of the perception of Chinese subjects by Orthodox Russians at the turn of the 19th – 20th centuries are revealed. The author reveals the features of the perception of these subjects by Orthodox Russians and concludes that such conversions were not widespread. This conclusion is supported by both statistical data and information from periodical publications on confessions. At the same time, the adoption of Orthodoxy by Chinese citizens was perceived by clergy as a promising issue that contributed to the development of intercultural communication. Far Eastern clergymen's ideas about religious landscape in the Far Eastern border regions included sacred places with foreign religious origins, including Chinese-Manchu shrines. In Orthodox consciousness, consecrating the territory of Far Eastern borders was associated with building churches and presence of Christian saints, such as St. Nicholas and the Virgin Mary, among others.

Key words: Chinese, Manchus, religious landscape, Far Eastern borderlands, Amur region, missionary activity, Orthodoxy

Введение

В российской и зарубежной науке имеется значительный опыт изучения темы православия среди китайцев. Прежде всего это работы по истории православия в Китае, в числе которых следующие: [Поздняев, 1998; Ломанов, 2002; Дацышен, 2007; Православие, 2013; Афолина, 2017; Петровский, 2022 и др.]. Проблема осуществления миссионерской деятельности среди китайцев восходит к дореволюционному периоду и раскрывалась в работах православного духовенства: [Адоратский, 1887; Авраам, 1903 и др.]. Изучению распространения православия среди китайцев и маньчжуров на территории дальневосточного порубежья посвящены такие исследования, как: [Кириллов, 1896; Аниховский, 2004; Аниховский, Болотин, Забияко, 2005; Нестерова, 2014 и др.].

Новизна данной работы обусловлена тем, что доступный эмпирический материал анализируется через призму концепции дальневосточного порубежья и теории религиозного ландшафта.

В качестве источников исследования выступают материалы дореволюционного периода. Архивные материалы [ГААО]; Камчатские и Благовещенские епархиальные ведомости [Камчатские епархиальные ведомости, 1894, 1895 и др.; Тихвинский, 1895; Хроника, 1895; Присоединение, 1894, 1895, 1896; Стефан, 1895; Просвещение, 1895; Гаркин, 1903] и другие; отчёты генерал-губернаторов Приамурья [Всеподданейший отчёт, 1895, 23–27], обзоры Амурской области [Обзор, <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/27178-za-1871-god-1871#mode/inspect/page/2/zoom/9>], Первая всеобщая перепись населения Российской империи [Первая всеобщая перепись, 1905].

Концептуальные положения по вопросам порубежья и религиозного ландшафта с позиции географии религии раскрыты в публикациях А.П. Забияко [Забияко, 2016; Забияко, 2025]. Религиозный ландшафт дальневосточного порубежья представляет собой локус пространства, где с середины XIX века шли интенсивные контакты переселенцев – подданных Российской империи с местными народами Дальнего Востока. В статье будут раскрыты особенности православной картины мира в условиях дальневосточного фронта. Исходя из теоретических оснований географии религии, «религиозное сознание маркирует земное пространство качествами, символическими объектами и топонимами, указывающими на присутствие в земном неземного, потустороннего» [Забияко, 2025, 177]. Вскроем этот аспект на доступных источниках материалах.

Краткая историческая справка о распространении православия среди китайского населения Приамурья в середине XVII в. – второй половине XIX в.

Случаи принятия православия народами Амура восходят к середине XVII в. [Аниховский, 2004, 121]. При осаде в 1655 г. русского Кумарского острога китайцы («никаны») упоминаются как подневольные участники маньчжурских походов [Забияко, Забияко, Зиненко, 2023, 201]. Двое из них перешли на сторону русских и были по их прошению крещены [Аниховский, 2004, 121]. До середины XIX в. крещения китайских подданных носили случайный характер. В 1675 г. некий китайский тунгус добровольно изъявил желание креститься [Кириллов, 1896, 5]. Насильственное обращение местных народов в православие не позволялось. На протяжении XVII – XVIII вв. Тобольская епархия предпринимала попытки организации миссионерской работы в Забайкалье, на Камчатке и в Якутске. О результатах деятельности этих миссий среди китайских подданных судить сложно [Аниховский, 2004, 122–123]. До 1854 г., не имея разрешения Св. Синода, православные миссионеры Приамурья не могли инициировать проповеди среди местных народов, однако откликались на их духовные просьбы [Кириллов, 1896, 118]. Активную позицию в этом вопросе занимал архиепископ Камчатский Иннокентий (Иван Евсеевич Попов-Вениаминов), который понимал геополитическое значение присоединения Приамурья к России и признавал конкуренцию со стороны западно-христианских миссионеров в Маньчжурии [Кириллов, 1896, 9–10]. После заключения Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров и образования русских поселений в Приамурье создавались условия для развития миссионерской работы. На основании ст. 8 Тяньцзиньского договора разрешалось распространение христианства среди китайских подданных [Трактат, <https://constitutions.ru/?p=21254>].

Однако миссионерская работа среди китайско-маньчжурского населения требовала серьёзной организационной и кадровой подготовки. Говоря о православии и китайцах во второй половине XIX – начале XX вв., будем иметь ввиду подданных Цинской империи, включая маньчжуров. Внутренняя политика цинских властей, начиная с водворения в 1644 г. маньчжурской династии в Китае, способствовала развитию тесного культурного взаимодействия китайцев и маньчжуров [Аниховский, 2004, 94]. Китайское языковое и религиозное влияние, численное преимущество китайцев над маньчжурами ускоряло ассимиляционные процессы. «... манджуры, которых меньшинство, до такой степени окитаились, что ни по языку, ни по обычаям, ни по костюму, наконец, они существенно не разнятся от природных китайцев» [Грум-Гржимайло, 1894, 392–393]. В православных источниках в контексте миссионерской деятельности часто китайцы и маньчжуры описываются в совокупности как подданные Цинской империи.

История организации миссионерской работы среди китайского и маньчжурского населения Приамурья второй половины XIX в. реконструирована в работах исследователей [Аниховский, 2004, 131–153]. После отъезда Иннокентия (Попова-Вениаминова) в Москву епископом Камчатским в 1868 г. стал опытный миссионер Вениамин (В.А. Благодравов). Решался кадровый вопрос, предпринимались меры к обеспечению миссионеров необходимой литературой. В 1869 г. миссионеры Благовещенского стана приступили к непосредственной работе с китайско-маньчжурским населением [Аниховский, 2004, 132]. Исследователями также подробно описана миссионерская деятельность за пределами Благовещенска, в маньчжурских поселениях Зазейского района Амурской области и на правом берегу Амура в конце 1860-х – 1870-х гг. [Аниховский, Болотин, Забияко, 2005, 230–235]. Успех миссии был напрямую связан с усердием духовенства. После перевода епископа Вениамина на Иркутскую кафедру работа была приостановлена и возобновилась в начале 1880-х гг. В 1893–1896 гг. миссионерскую деятельность среди маньчжуро-китайского населения г. Благовещенска и на сопредельных территориях осуществлял иеромонах Стефан [Аниховский, Болотин, Забияко, 2005, 235]. Переход китайских подданных в православие в тот период времени осложнялся экономическими, юридическими, социальными причинами. Китайские купцы рисковали лишиться капиталов. Бывали случаи, что крещёные китайцы-работяги переходили в маргинальное положение, их не признавали ни свои, ни русские [Аниховский, Болотин, Забияко, 2005, 236]. В целом практика миссионерской работы во второй половине XIX века осуществлялась по всей территории Камчатской епархии, включала Амурскую, Приморскую области, Сахалин, а также сопредельные приграничные территории, например, Сахалин (современный китайский город Хэйхэ).

Таким образом, первые попытки православной христианизации в Приамурье восходят к середине XVII в., во второй половине XIX в. миссионерская работа среди подданных Цинской империи на приграничных территориях обрела системный характер, но продолжала зависеть от политико-правовых условий, инициативности и личных качеств духовенства, а также индивидуальных обстоятельств обращаемых.

Количественный и качественный состав православного китайского и маньчжурского населения в Амурской области на рубеже XIX – XX вв.

Численность китайского и маньчжурского населения в Амурской области на рубеже XIX – XX вв. не была стабильной. Подсчёты были затруднены в силу смешения маньчжурского, даурского и китайского (никанского) населения [Грум-Гржимайло, 1894, 397]. Этим объясняются противоречивые цифры в разных источниках. Известно, что в 1883 г. на российской стороне Приамурья было 63 маньчжурских поселения, из них 37 можно было назвать селениями, остальные представляли собой обособленные фанзы [Грум-Гржимайло, 1894, 394–397]. Общее количество маньчжурских и китайских жителей этих селений составляло 12300 человек: маньчжуров 4400 человек; китайцев – 7900 человек.

В обзорах Амурской области за период с 1891 по 1914 гг. фиксировалась численность китайских подданных. Учитывались и те, кто постоянно проживали на российской стороне, в том числе маньчжуры, и те, кто попадал в категорию иностран-

цев. Округляя данные, можно сказать, что показатели присутствия китайских подданных варьировались от 7 до 16 тысяч человек за указанный период [Обзор, <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/27178-za-1871-god-1871#mode/inspect/page/2/zoom/9>].

Переписью 1897 г. было учтено 7816 человек, для которых родным языком был китайский, и 3344 человек, считавших родным языком маньчжурский [Первая всеобщая перепись, 3]. Относительно количества православных китайцев и маньчжуров данные переписи противоречивы. В аналитической части документа утверждается, что в Амурской области в 1897 г. православие исповедовали 11 китайцев, включая 1 женщину, и 9 маньчжуров, включая 3 женщин (в совокупности 20 человек). Также в этой части указывалось, что ежегодно к Русской православной церкви присоединяется по 5–10 человек из числа корейцев, китайцев, маньчжуров [Первая всеобщая перепись, 16–17]. В прилагаемой к Переписи таблице под номером 14 «Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку» указано, что среди православных учтено 38 китайцев, включая 16 женщин; 108 маньчжурских мужчин и 18 женщин. В совокупности – 159 человек. Данные по количеству учтённых в Амурской области православных людей не вызывают сомнения, и в аналитической части, и в табличной указано 91 621 человек [Первая всеобщая перепись, 16]. В любом случае количество православных китайских подданных было весьма скромным, составляло от 0,02 до 0,17 % от общего числа православных людей в Амурской области.

Данные о количестве крещений и небольшие справки о крещённых китайских подданных дают православные источники. Архивные документы от 1896 г. свидетельствуют о случаях крещений в Амурской области: китаец Ло Ли в 21 год крестился в посёлке Димском в приходе Поярковской церкви и принял имя Тимофей; Ян Гуй Тин, 22 года, буддист, крестился в Спасо-Преображенской церкви с принятием имени Иннокентий. В 1897 г. был крещён один китайский мальчик и три китаец, находившихся в Тымовской тюрьме (о. Сахалин) за хищение золота. До принятия крещения они были буддистами. Это Ли Цай, Тун Мин и Чин Юн Фу, все получили имя Иннокентий. Ещё один китаец крестился в Сучанской церкви (Приморский край). В 1898 г. был крещён китаец Ло Си (Ло Хя), получивший имя Николай [ГААО].

О случаях крещения китайцев Русская православная церковь публично сообщала через материалы газетных публикаций. В «Камчатских епархиальных ведомостях» был специальный раздел «Присоединение к православной церкви» [Присоединение, 1894, 1895, 1896; Просвещение, 1895].

«Проживающий в г. Благовещенске китайский подданный Меджи-Тян 27 сентября сего года миссионером 2-й миссии при Камчатском архиерейском доме, иеромонахом Стефаном просвещён св. крещением, с наречением ему имени Александр» [Присоединение, 1894, 144].

«Священником Завитинской церкви Георгием Скрыбиным просвещены св. крещением проживающие в с. Михайловском маньчжур Синь-ю, 37 лет, и маньчжурка Тэ-юнь-ха, 32-х лет» [Присоединение, 1895, 16].

«Маньчжурским миссионером, иеромонахом Камчатского архиерейского дома Стефаном, 2 ноября с. г., просвещён св. крещением из язычества китайский подданный Цун-ги-хуа, 25 лет, с наречением ему во св. крещении имени Михаил» [Присоединение, 1896, 203]. Для людей китайской культуры второй половины XIX в. смена имени означала полный разрыв прежних социальных связей, выход за пределы семейного и государственного уклада [Нестерова, 2014, 241].

В единичных заметках встречаются более развёрнутые описания обстоятельств, побудивших китайских подданных принять крещение. По сообщению священника Космы Серговского, 21 марта 1895 г. он крестил молодого маньчжура Тун-чун-лии. Новокрещённому было 22 года и его нарекли именем Михаил. Он проживал в селении Ильинском (за Зеей на р. Дим). *«Этот маньчжур явился в селение Ильинское в августе месяце прошедшего 1894 г. и в скором времени изъявил желание присоединиться к св. православной церкви через св. крещение... С великим усердием и любовью он слушал учение о православной вере. Постоянно посещал храм Божий и вообще отличался большим усердием к молитве... я, испытывая ис-*

кренность его желания, всё отлагал время крещения и только, когда окончательно убедился в искренности его желания присоединиться к св. православной церкви, решил крестить его 25-го марта. Но он 18-го марта сильно захворал и начал с плачем просить меня крестить его, боясь, как бы ему не умереть без св. крещения. Поэтому я совершил над ним таинство св. крещения сего 21-го марта. Между прочим, маньчжур Тун-чун-ли до своей болезни посещал Ильинскую церковно-приходскую школу, где выучился в скором времени читать и писать по-русски» [Камчатские епархиальные ведомости, 1895, 156].

Наиболее сенсационный для своего времени пример крещения случился 5 октября 1895 г. Священник Загородно-Зейской Архиерейской домово́й церкви Василий Суханов крестил китайку Аля-ту с наречением ей имени Екатерина. Необычность события была обусловлена полом и происхождением китайки. Сами православные авторы признавались: *«Это редкостный случай и чуть ли не первый в жизни китайской и маньчжурской миссии! Что китайцев крещёных сравнительно много – это правда, но никто не запомнит, чтобы была хоть одна крещёная китайка»* [Просвещение, 1895, 156]. До наших дней сохранились лишь статистические данные о китайских или маньчжурских женщинах, принимавших крещение. Вторым примечательным фактом было то, что китайка не была из местных жителей, она прибыла из внутреннего Китая. *«По прибытии в Благовещенск она заявила, что, наслушавшись о нашей вере и увлёкшись ею, а также о нашем гражданском управлении, ушла от своих родных и приехала сюда с целью принять св. крещение и русское подданство... По оглашении её, продолжавшемся более двух недель, совершено над нею таинство крещения... В настоящее время Екатерина живёт у восприёмного отца своего не в качестве прислуги, а в качестве родственницы и отличается скромностью поведения, услужливостью, вежливостью и другими прекрасными качествами»* [Стефан, 1895, 527–528].

Из обнародованных отечественными исследователями архивных данных известно, что на рубеже XIX – XX вв. в Приамурском генерал-губернаторстве существовала практика прошений китайцев о принятии в российское подданство. Принятие православия было ведущим мотивом для изменения подданства. За период с 1876 по 1900 гг. выявлено 87 прошений, из них 46 человек (56 %) были православными; за период с 1913 по 1917 гг. – 83 заявления, большинство заявителей были православными или готовились к крещению [Нестерова, 2014, 241].

Таким образом, статистические данные и подробные описания случаев крещений среди иноверцев в конфессиональных периодических изданиях свидетельствуют о том, что массового характера обращения в православие китайских подданных не было. Скорее это были отдельные случаи, которые, безусловно, имели важное значение для развития миссионерской работы. Полноценный социальный портрет новообращённых китайцев сложно реконструировать, заметим лишь, что среди них преобладали мужчины, чаще в возрасте 21–25 лет. До принятия православия они могли быть язычниками, буддистами, конфуцианцами, носителями синкретичной религиозности.

Особенности восприятия православными русскими китайских подданных

Отсутствие опыта взаимодействия подданных Российской и Цинской империй сказывалось на взаимном восприятии друг друга, что отражено в описаниях православных авторов. В пересказах истории китайки Екатерины, принявшей крещение, есть указания на незнание русскими и китайцами друг друга. *«Она очень правдоподобно рассказывала о тех диких представлениях относительно русских нравов и обычаев, какие ходят внутри Китая, и заявляла, что, если бы китайцы узнали действительную жизнь русских с их религией, то с радостью переменили бы свою религию на христианскую»* [Стефан, 1895, 528].

Православные авторы в описаниях китайских селений подчёркивали непривычность бытовых особенностей. Например, селение Мохо на китайском берегу Амура: *«узкая улица, по которой с трудом можно проехать на русской тройке»; «расположены вплотную китайские фанзы: рядом с прачечной мясная лавка, <...> что-то вроде трактира, затем магазин, далее подобие скотобойни, потом снова магазины, парикмахерская...»* [Тихвинский, 1895, 266–267].

В ежегодных отчётах или небольших записках православных авторов заострялось внимание на инорелигиозности маньчжуров и китайцев: *«исповедники буддизма, религии Конфуция и шаманизма»* [Отчёт, 1895, 47; Отчёт, 1896, 62] и др. По представлениям православного духовенства, китайцы и маньчжуры прибывали в Приамурский край с целью мелкого заработка и мелкой торговли. Селились преимущественно в городах: Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске; маньчжуры обитали в Благовещенске и, главным образом, в Зазейском районе [Отчёт, 1896, 62]. В описаниях встречаем факты отсутствия контроля: *«этот инородческий элемент, переходя с китайской территории, быстро наполняет край и особенно города, не встречая препятствий со стороны русских властей»* [Отчёт, 1895, 47; Отчёт, 1898, 104]. Усугубляло ситуацию то, что православные авторы в китайцах видели помеху, которая мешала осуществлению эффективной миссионерской работы среди местных народов – ороحوнов, гольдов и других. *«Эти инородцы всецело находятся под влиянием китайцев, которые навевают им мысли, противные христианству и русскому государству»* [Протодиаконов, 1894, 349]. Отлаженные продажи китайской водки (ханшиной) воспринимались православным духовенством как причина пьянства среди казаков и аборигенов [Протодиаконов, 1895, 308; Каюков, 1989, 95] и др. В отдельных случаях китайское негативное влияние усматривали даже в практике многоженства среди гольдов [Отчёт, 1898, 194].

Основой для сближения с китайскими подданными, по мнению православных, могла бы стать общая вера. Начало присутствия маньчжуро-китайского населения на православных богослужениях описано в воспоминаниях некоего прихожанина. По памяти, спустя 34 года, он писал: *«Светлое, чудное утро 5-го июня 1860 года. Незатейливые, низенькие постройки новорождённого гор. Благовещенска, раскинутые в одиночку по очищенному от леса ровному берегу р. Амура...»* [Голос, 1894, 2]. Для православных переселенцев Дальнего Востока строительство церкви было делом первостепенным: *«Среди этой пёстрой, словно цветник, слободки (колыбели нынешнего Благовещенска) красуется на холмике новая, чистенькая деревянная церковь с “колокольней башней” и кажется не убогой, а стоит словно великан среди избёнок и землянок...»*. В представленных описаниях явно прослеживается любовь к месту жизни, географы для описания таких явлений оперируют понятием топофилия [Лавренова, 2023, 58–67]. В записях этнографов как внешних наблюдателей того же периода Благовещенск сравнивается с наскоро построенной казармой, а церковь описывается как маленькая, *«сделанная недавно и наскоро из часовни...»* [Максимов, 1864, 191]. Для прихожанина наличие православной церкви, коллективные священнодействия на территории русско-китайского порубежья – это символ священной картины, которая способна благотворно повлиять на иноверцев. *«...на другом берегу Амура, маньчжурское селение; вся береговая улица его усеяна пёстрой толпой сынов “Небесной империи”. С раннего утра их вызвали сюда церковный благовест, впервые услышанный ими, и небывалое оживление на русском берегу. От них вся священная картина на бугорке видна как на ладони и вся эта пёстрая языческая толпа... замерла в созерцании величественного зрелища христианской общественной молитвы»* [Голос, 1894, 3].

Описания православного прихожанина в гиперболизированном виде передают значение православия для маньчжуро-китайского населения: *«Поодаль от богомольцев в кустах... виднеются пёстрые фигуры маньчжур и китайцев...; любопытные взоры язычников устремлены на молящихся, на церковь, проникли внутрь её и остановились на сияющем лучами солнца кресте в руках Епископа. Невиданное дотоле зрелище христианского богослужения дышало тою святостью, которая не может не проникнуть в душу человеческого существа, и от того сказывается на лицах и фигурах маньчжур и китайцев – они словно замерли с вытянутыми вперёд лицами, с широко-раскрытыми глазами, пытливо устремлёнными внутрь православного храма»* [Голос, 1894, 3].

И далее от воспоминаний прихожанин перешёл к текущим для него событиям: *«Тот же Благовещенск, но не новорождённый, а переживающий 33-ю весну... Обширный, многолюдный город вострепнулся, приукрасился и празднует день св. Николая. Такое же чудное весеннее утро... величественный каменный храм,*

<...> **краса города. В <...> храме архиерейским служением совершается литургия. Тысячная толпа народа – на улице и на церковном дворе. Храм переполнен молящимися. Между богомольцами <...> резко выделяются фигуры трёх маньчжур – отца и его двух детей, мальчиков лет 7–9, в их национальных костюмах, с характерными, полуобритыми головами, украшенными длинными косами. Губы отца шевелятся, глаза устремлены вверх, руки, сложенные ладонями, у груди; по временам он поднимает их к лицу, затем земно кланяется; дети, взглядывая на отца, подражают ему. <...> под сводами храма раздалась священные слова... Донеслись они и до коленопреклонённых маньчжур и все они пали ниц пред священным знаменем христианства...» [Голос, 1894, 4].**

Кроме наблюдений прихожанина сохранились описания китайцев и маньчжур, сделанные профессиональными православными миссионерами, в их числе иеромонах Стефан. Миссионер составил комплексный портрет своей потенциальной паствы: *«Оказалось, что в г. Благовещенске живут исключительно приезжие торгующие китайцы, а маньчжур почти совсем нет, так как они обитают в деревнях маньчжурских, <...> занимаются там хозяйством <...> в минувшем году мне довелось иметь дело с одними китайцами. Сначала я познакомился с некоторыми китайцами, торгующими на рынке и в лавочках, которых <...> чрезвычайно много в нашем городе. Все китайцы очень вежливы, деликатны и гостеприимны. При встрече они называли меня, своим ломанным языком “бадюжка” и радушно принимали. Так как торгующие китайцы почти все свободно говорят на русском языке, а многие умеют даже и писать по-русски, то я с ними объяснялся без особенного затруднения...»* [Стефан, 1894, 193].

Представления об успешности миссионерской работы среди китайцев больше походили на проекты будущего: *«Постепенное же влияние христианства на современных китайцев не подлежит ни малейшему сомнению, хотя, откровенно сказать, прямых обращений в христианство из китайцев не особенно много...»*. Препятствия к миссионерской работе были обусловлены экономическими и социальными причинами: *«сожаление лишиться капитала, сожаление расстаться с семьёй и сожаление остаться без куска хлеба удерживает китайцев от принятия православной веры»* [Стефан, 1894, 193–196].

Таким образом, в представлениях православных авторов рубежа XIX–XX вв. китайские подданные воспринимались как люди иной культуры, иной веры. При этом христианизация представлялась им как дело перспективное, способствовавшее лучшему усвоению иноверцами русских обычаев, преодолению культурной дистанции.

Представления о китайцах в контексте религиозной топографии дальневосточного порубежья второй половины XIX – начала XX вв.

Религиозный ландшафт Приамурья второй половины XIX – начала XX вв. включал священные места населявших эту территорию народов. Указания на священные места китайского и маньчжурского населения встречаем в рапорте 1857 г. первого амурского священника А.П. Сизого: *«На протяжении 80 вёрст от Усть-Зей находится более 50 деревень маньчжурских на прекрасных, ровных долинах, но только безлесных, хотя у каждой деревни есть рощи, где у них обыкновенно бывает молельня и кладбище; по моему мнению, эти рощи разведены рукою человека и потому считаются у них за святыню и находятся целые столетия невредимыми»* [Кафедральный протоиерей, 1897, 249]. В похожем ключе высказался первый амурский краевед А.В. Кириллов: *«Среди этой равнины то там, то сям начали мелькать китайские деревушки, живописно выглядывая из-за зелени вековых дубовых рощей, уцелевших в силу обычая китайцев – украшать тенью деревьев, могилы предков»* [Кириллов, 1882, 365].

Наличие культовых мест способствовало сохранению культурной самобытности китайского населения. На рубеже XIX–XX вв. по всей территории Приамурья встречались предметы китайского культа: у маньчжурских военных постов, в отдельных фанзах, по берегам рек, в тайге. Исследователями выделены несколько типов китайских культовых сооружений в Приамурье и Приморье: сельские кумирни,

городские святилища, придорожные кумирни, алтари в жилых помещениях [Аниховский, 2004, 83–86]. Священные места обязательно были связаны с обширным пантеоном китайских божеств. Помимо народных и синкретичных элементов религиозной жизни китайского населения Приамурья зафиксированы культовые практики, имевшие отношение к даосизму, конфуцианству, буддизму [Аниховский, 2004, 83–86]. Не вдаваясь в подробности, важно подчеркнуть, что религиозная жизнь дальневосточного порубежья отличалась большим разнообразием. Люди дальневосточного фронта могли беспрепятственно наблюдать проявления духовной культуры разных этнических и религиозных групп. В «Благовещенских епархиальных ведомостях» сохранились публикации, в которых описаны диспуты между православным духовенством и представителями духовного христианства. В спорах о святых иконах молокане ссылались на увиденные в Маньчжурии кумирни: *«как открылось из бесед с маньчжурами, они своих «бурханов» за идолов или богов не считают, а только за их изображения, хотя и ставят перед ними чаши с рисом и “ханишиной” – рисовой водкой»*. [Хроника, 1903, 325]. Таким образом, религиозный ландшафт дальневосточного порубежья давал возможность людям православной культуры знакомиться не только с верованиями местных народов, но и своих соотечественников с отличными религиозными взглядами. В такой ситуации включались механизмы интеграции иноверцев в русскую православную картину мира.

В русском православии всегда была особая связь с христианскими святыми. Образ Святой Руси тесно связан с хождениями Андрея Первозванного, заступничеством Богородицы и Николая Чудотворца [Забияко, 2002, 245]. С Богородицей были связаны идеи защиты, близости, отсутствие страха [Бузмакова, 2008, 28–33]. В ситуациях миграции, заселения новых регионов, взаимодействия с местными народами православные переселенцы не утрачивали ощущения присутствия христианских святых и заступников. Это подтверждается православными источниками. Ежегодно, особенно в летнее время, благовещенские архиереи посещали окормляемые ими земли и выступали с проповедями [Гаркин, 1903, 333–334]. Назначенный в 1900 г. на Благовещенскую кафедру Никодим (Боков), приводил множество примеров о чудесах Святого Николая: *«Вся святая Русь благоговейно почитает его [Святителя Христова Николая] как скорого и могучего помощника во всех бедах... Обратите свой взор на всю необъятную ширь нашего дорого отчества и посмотрите, сколько храмов в нём, посвящённых памяти и прославлению св. Николая...»* [Гаркин, 1903, 336]. Далее мысль Никодима развивается в сторону того, что даже среди языческих народов России образ Николая имеет широкое хождение: *«Мне хорошо известно, что инородцы: вотяки и черемисы, не имея никакого понятия о самом Святителе Николае и зная только его честной образ... во всех своих нуждах прибегают к нему с мольбою, покупают и ставят пред его изображением свечи, – и св. Николай не отвергает их сердечных умилённых молений, <...> а милосердует о них и помогает им»* [Гаркин, 1903, 339]. В условиях дальневосточного фронта православные люди продолжали верить в покровительство Святого Николая. Образ святого был широко известен в российско-китайском приграничье. Русские православные были убеждены, что веру в заступничество Николая вместе с ними разделяют китайские подданные. Тот же Преосвященный Никодим, продолжая проповедь, сообщал: *«А вот случай из жизни нашего края. В минувшую войну с китайцами, когда из города Благовещенска переправляли через Амур на неприятельскую сторону оставшихся в городе злобно настроенных сынов этого народа; и они, по несчастью, начали утопать в его водах, то как некоторые из них рассказывали впоследствии, им явился некий старец, не раз виденный ими на иконах в городских храмах и, подавая им край своей ризы, приказал крепко держаться за него. И те, которые послушались и ухватились за его одежду, перешли на противоположный берег спокойно и невредимо, а прочие, выбившись из сил, были унесены течением и погибли...»* [Гаркин, 1903, 339–340]. Схожих сюжетов придерживались жители китайского Харбина [Забияко, Цзюй, 2022, 35–51]. В 1920–30 гг. широкой популярностью пользовалась апокрифическая легенда-фабулат о чудесном спасении тонувшего в р. Сунгари китайца. По одной версии это был лодочник, по другим – простой бедолага, который весной оказался на зыбком льду реки [Забияко, Цзюй,

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Acknowledgement

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Библиографический список

1. Авраам. Православная китайская миссия / Архимандрит Авраам. – М.: Университетская типография, 1903. – 27 с.
2. Адоратский, П.С. История Пекинской духовной миссии в первый период её деятельности (1685–1745) / П.С. Адоратский (иеромонах Николай). – Казань: Типография Императорского Университета, 1887. – Вып. 1. – 165 с.
3. Аниховский, С.Э. Этнорелигиозные отношения на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах взаимодействия православия с религиозными верованиями китайского населения): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / С.Э. Аниховский; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 168 с.
4. Аниховский, С.Э. Маньчжурский клин: история, народы, религия / А.П. Забияко, С.Э. Аниховский, Д.П. Болотин, Т.А. Пан. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2005. – 316 с.
5. Афонина, Л.А. Китайские православные мученики 1900 г.: анализ исторических источников и церковное почитание / Л.А. Афонина // Общество и государство в Китае. – 2017. – № 2 (47). – С. 598–635.
6. Бузмакова, О.В. Образ Китая и китайцев в современном русском православном сознании: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / О.В. Бузмакова: АмГУ. – Благовещенск, 2008. – 186 с.
7. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1895. – 172 с.
8. Воззвание [Никодима, Епископа Благовещенского, о сборе пожертвований на устройство кафедрального собора] // Благовещенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 21. – С. 587–588.
9. Государственный архив Амурской области (ГААО) Ф 4и. Оп. 1. Д. 276, 283, 286, 298, 299.
10. Гаркин, А. Поездка Его Преосвященства Преосвященейшего Никодима, епископа Приамурского и Благовещенского для обозрения Нижне-Амурских, Уссурийских и Амгунских церквей, совершенная с 5 июля по 17 августа 1902 г. / А. Гаркин // Благовещенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 13. – С. 333–346.
11. Голос прихожанина // Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – № 5. – С. 1–17.
12. Грум-Гржимайло, Г.Е. Описание Амурской области (с картой) // Г.Е. Грум-Гржимайло. – СПб.: Типо-литография и переплетная С.М. Николаева, 1894. – 640 с.
13. Дацышен, В.Г. Христианство в Китае: история и современность / В.Г. Дацышен. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.
14. Забияко, А.А. Сюжет о Николае Угоднике в фольклорных текстах жителей Харбина / А.А. Забияко, Цзюй Куньи // Религиоведение. – 2022. – № 1. – С. 35–51.
15. Забияко, А.П. Начала древнерусской культуры / А.П. Забияко. – М.: Пайдейя, 2002. – 480 с.
16. Забияко, А.П. Порубежье как данность человеческого бытия / А.П. Забияко // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 26–36.
17. Забияко, А.П. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / А.П. Забияко, А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева [и др.]. – Благовещенск: Изд-во Амурского госуниверситета, 2022. – 186 с.
18. Забияко, А.П. Китайцы // Археология и этнография Приамурья / А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко. – Новосибирск: из-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – С. 201–225.
19. Забияко, А.П. География религии: объект, предмет, междисциплинарность / А.П. Забияко // Вопросы философии. – 2025. – № 6. – С. 172–185.
20. Кафедральный протоиерей А.П. Сизой // Камчатские епархиальные ведомости. – 1897. – № 12. – С. 245–253.
21. Кириллов, А.В. Материалы для истории христианской миссии на Амуре, со времени присоединения его к России / А.В. Кириллов // Камчатские епархиальные ведомости. – 1896. – № 1. – С. 1–10; № 3. – С. 47–59; № 6. – С. 113–124; № 23. – С. 461–468; № 24. – С. 481–495.
22. Кириллов, А.В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки / А.В. Кириллов // Сибирская газета. – 1882. – № 15. – С. 365–367.
23. Лавренова, О.А. Любовь и место. Памяти И-Фу Туана / О.А. Лавренова // Географическая среда и живые системы. – 2023. – № 2. – С. 58–67.

24. Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – № 16. – С. 349; № 19. – С. 144; 1895. – № 2. – С. 16, № 6. – С. 156, № 8. – С. 47, № 15. – С. 308; 1896. – № 9. – С. 62, № 23. – С. 203; 1898. – № 6. – С. 95; № 11. – С. 194, № 14. – С. 104.
25. Каюков, И. (священник). Общество трезвости в ст. Михаило-Семеновской, Амур. обл. / И. Каюков // Камчатские епархиальные ведомости. – 1898. – № 6. – С. 95–98.
26. Ломанов, А.В. Христианство и китайская культура / А.В. Ломанов. – М.: Вост. лит., 2002. – 446 с.
27. Максимов, С.В. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах). Дорожные заметки и воспоминания / С.В. Максимов. – СПб., 1864. – 588 с.
28. Нестерова, Е.И. Христианизация китайцев в Приамурском генерал-губернаторстве в конце XIX – начале XX вв.: постановка проблемы / Е.И. Нестерова // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницынские чтения). – Екатеринбург, 2014. – С. 239–243.
29. Обзор Амурской области ... [по годам] / Амур. обл. стат. ком. – Благовещенск, 1871–1915 [Электронный ресурс] // ГПИБ: офиц. сайт. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/27178-za-1871-god-1871#mode/inspect/page/2/zoom/9> (дата обращения 25.12.2024).
30. Отчёт камчатского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Камчатской епархии за 1893 / 94 учебный год // Камчатские епархиальные ведомости. – 1895. – № 8. – С. 44–48.
31. Отчёт камчатского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Камчатской епархии за 1894–1895 учебный год // Камчатские епархиальные ведомости. – 1896. – № 9. – С. 61–64.
32. Отчёт камчатского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Камчатской епархии за 1896–1897 учебный год... // Камчатские епархиальные ведомости. – 1898. – № 14. – С. 102–120.
33. Отчёт о состоянии деятельности Камчатской духовной миссии за 1897 г. // Камчатские епархиальные ведомости. – 1898. – № 11. – С. 192–205.
34. Поздняев, Д. Православие в Китае (1900–1997 гг.) / Д. Поздняев (священник). – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998. – 279 с.
35. Петровский, Д. Православие в Китае – история и современность / Д. Петровский // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022. – № 40 (2). – С. 84–104.
36. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXII. Амурская область. Тетрадь 2. – СПб., 1905. – [4], XX, 53 с.
37. Православие в Китае: [сборник материалов выставки] / Сост. В. В. Селивановский. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2013. – 66 с.
38. Присоединение к православной церкви // Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – № 19. – С. 144; 1895. – № 2. – С. 16; 1896. – № 23 – С. 203.
39. Просвещение с крещением // Камчатские епархиальные ведомости. – 1895. – № 21. – С. 156.
40. Протодиаконов, А. Из отчёта о состоянии деятельности Камчатской духовной миссии за 1893 г. / А. Протодиаконов // Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – № 16. – С. 344–349.
41. Протодиаконов, А. Отчёт о состоянии деятельности Камчатской духовной миссии за 1894 г. / А. Протодиаконов // Камчатские епархиальные ведомости. – 1895. – № 15. – С. 307–320.
42. Пушкарев, В.А. Явление Божией Матери на Амуре (июль 1900 г.): история, свидетельства, память / В.А. Пушкарев // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. – 2025. – Вып. 122. – С. 101–114.
43. Стефан (иеромонах). Миссия среди китайцев и маньчжур / Иеромонах Стефан // Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – № 9. – С. 193–196.
44. Стефан (иеромонах). Несколько слов о маньчжурской миссии / иеромонах Стефан // Камчатские епархиальные ведомости. – 1895. – № 24. – С. 527–528.
45. Тихвинский, С. (священник). От Благовещенска до Покровки и обратно (из поездки Его Преосвященства, Преосвященнейшего Макария по епархии в июле м. 1894 г.) / священник С. Тихвинский // Камчатские епархиальные ведомости. – 1895. – № 13 – С. 266–267.
46. Трактат между Россией и Китаем об определении взаимных отношений [Электронный ресурс] // Библиотека Пашкова: офиц. сайт. – URL: <https://constitutions.ru/?p=21254> (дата обращения 21.12.2024).
47. Хроника // Камчатские епархиальные ведомости. – 1895. – № 6. – С. 156.
48. Хроника церковной жизни // Благовещенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 12. – С. 318–331.

Текст поступил в редакцию 20.01.2025.

Принят к печати 19.02.2025.

Опубликован 30.09.2025.

References

1. Adoratskij P.S. *Istoriya Pekinskoj duhovnoj missii v pervyj period ee deyatel'nosti (1685–1745)* [History of the Beijing Spiritual Mission in the First Period of its Activity (1685–1745)]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1887, 165 p. (in Russian).
2. Afonina L.A. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Moscow: IV RAN, 2017, no. 2 (47), pp. 598–635. (in Russian).
3. Anihovskij S.E. *Etnoreligioznye otnosheniya na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (na materialah vzaimodejstviya pravoslaviya s religioznymi verovaniyami kitajskogo naseleniya)*. Diss. kand. filos. nauk [Ethnoreligious relations in the Russian Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the interaction of Orthodoxy with the religious beliefs of the Chinese population). Ph.D. Thesis in Philosophy]. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova, 2004. – 168 p. (in Russian).
4. Anihovskij S.E., Bolotin D.P., Zabyako A.P., Pan T.A. *Man'chzhurskij klin: istoriya, narody, religiya* [Manchurian Wedge: History, Peoples, Religion]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2005. 316 p. (in Russian).
5. Avraam. *Pravoslavnaya kitajskaya missiya* [Orthodox Chinese Mission]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1903, 27 p. (in Russian).
6. *Blagoveshchenskie eparhial'nye vedomosti* [Blagoveshchensk diocesan news]. Blagoveshchensk: Tipografiya "Amurskoj gazety", 1903, no. 21, pp. 587–588. (in Russian).
7. *Blagoveshchenskie eparhial'nye vedomosti* [Blagoveshchensk diocesan news]. Blagoveshchensk: Tipografiya "Amurskoj gazety", 1903, no. 12, pp. 318–331 (in Russian).
8. Buzmakova O.V. *Obraz Kitaya i kitajcev v sovremennom russkom pravoslavnom soznanii*. Diss. kand. filos. nauk [The image of China and the Chinese in modern Russian Orthodox consciousness. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Blagoveshchensk: AmGU, 2008. 186 p. (in Russian).
9. Dacyshen V.G. *Hristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'* [Christianity in China: History and Modernity]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2007, 240 p. (in Russian).
10. Garkin A. *Blagoveshchenskie eparhial'nye vedomosti* [Blagoveshchensk diocesan news]. Blagoveshchensk: Tipografiya "Amurskoj gazety", 1903, no. 13, pp. 333–346 (in Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv Amurskoj oblasti (GAAO)* [State Archive of the Amur Region (GAAO)]. Fund. 4i. Inventory 1. Files 276, 283, 286, 298, 299 (in Russian).
12. Grum-Grzhimajlo G.E. *Opisanie Amurskoj oblasti (s kartoj)* [Description of the Amur Region (with map)]. St. Petersburg: Tipo-litografiya i perepletnaya S.M. Nikolaeva, 1894, 640 p. (in Russian).
13. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1894, no. 5, pp. 1–17 (in Russian).
14. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1894, no. 16, pp. 349; no. 19, pp. 144; 1895, no. 2, p. 16; no. 6, p. 156; 1894, no. 8, p. 47; no. 15, p. 308; 1896, no. 9, p. 62; no. 23, p. 203; 1898, no. 6, p. 95; no. 11, p. 194; no. 14, p. 104 (in Russian).
15. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1895, no. 8, pp. 44–48 (in Russian).
16. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1896, no. 9, pp. 61–64 (in Russian).
17. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1898, no. 14, pp. 102–120 (in Russian).
18. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1898, no. 11, pp. 192–205 (in Russian).
19. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1896, no. 23, p. 203 (in Russian).
20. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1895, no. 21, p. 156 (in Russian).
21. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1895, no. 6, p. 156 (in Russian).
22. Kayukov I. (svyashchennik). *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1898, no. 6, pp. 95–98 (in Russian).
23. Kirillov A.V. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1896, no. 1, pp. 1–10; no. 3, pp. 47–59; no. 6, pp. 113–124; no. 23, pp. 461–468; no. 24, pp. 481–495 (in Russian).
24. Kirillov A.V. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper]. 1882, no. 15, pp. 365–367 (in Russian).
25. Lavrenova O.A. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy* [Geographical Environment and Living Systems]. 2023, no. 2, pp. 58–67 (in Russian).
26. Lomanov A.V. *Hristianstvo i kitajskaya kul'tura* [Christianity and Chinese Culture]. Moscow: Vost. lit., 2002, 446 p. (in Russian).
27. Maksimov S.V. *Na Vostoke. Poezdka na Amur (v 1860–1861 godah). Dorozhnye zametki i vospominaniya* [In the East. Trip to Amur (in 1860–1861). Travel notes and memoirs]. St. Petersburg, 1864, 588 p. (in Russian).
28. Nesterova E.I. *Rossiya i Vostok: kul'turnye svyazi v proshlom i nastoyashchem: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (IX Kolosnitsynskie chteniya)* [Russia and the East: Cultural Ties in the Past and Present: Proceedings of the International Scientific Conference (IX Kolosnitsyn Readings)]. Ekaterinburg, 2014, pp. 239–243 (in Russian).

29. *Obzor Amurskoj oblasti ... [po godam]* [Review of the Amur Region ... [by year]]. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/27178-za-1871-god-1871#mode/inspect/page/2/zoom/9> (accessed on December 25, 2024) (in Russian).
30. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii* [The first general census of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1905. [4], XX, 53 p. (in Russian).
31. Petrovskij D. *Gosudarstvo, religiia, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2022, no. 40 (2), pp. 84–104 (in Russian).
32. Pozdnyayev D. *Pravoslavie v Kitae (1900–1997 gg.)* [Orthodoxy in China (1900–1997)]. Moscow: Izd-vo Svyato-Vladimirovskogo Bratstva, 1998, 279 p. (in Russian).
33. *Pravoslavie v Kitae: [sbornik materialov vystavki]* [Orthodoxy in China: Collection of Exhibition Materials]. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka, 2013, 66 p. (in Russian).
34. Protodiakonov A. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1894, no. 16, pp. 344–349 (in Russian).
35. Protodiakonov A. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1895, no. 15, pp. 307–320 (in Russian).
36. Pushkarev V.A. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. [St. Tikhon's University Review. Series II: History. The history of the Russian Orthodox Church]. 2025, vol. 122, pp. 101–114 (in Russian).
37. Sizoj A.P. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1897, no. 12, pp. 245–253 (in Russian).
38. Stefan (ieromonah). *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1894, no. 9, pp. 193–196 (in Russian).
39. Stefan (ieromonah). *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1895, no. 24, pp. 527–528 (in Russian).
40. Tihvinskij S. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti* [Kamchatka Diocesan Gazette]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i Ko, 1895, no. 13, pp. 266–267 (in Russian).
41. *Traktat mezhdru Rossiej i Kitaem ob opredelenii vzaimnyh otnoshenij* [Treaty between Russia and China on the definition of mutual relations]. Available at: <https://constitutions.ru/?p=21254>: (accessed on December 21, 2024) (in Russian).
42. *Vsepoddannejsij otchet Priamurskogo general-gubernatora Duhovskogo* [The humblest report of the Primorsky Governor-General Dukhovskiy]. St. Petersburg: Tip. Yu. N. Erlih, 1895. 172 p. (in Russian).
43. Zabiako A.A., Ju Kongyi. *Religiovedenie* [Study of Religions]. Blagoveshchensk: 2022, no. 1, pp. 35–51 (in Russian).
44. Zabiako A.P. *Nachala drevnerusskoj kul'tury* [The beginnings of ancient Russian culture]. Moscow: Pajdejya, 2002, 480 p. (in Russian).
45. Zabiako A.P. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2025, no. 6, pp. 172–185 (in Russian).
46. Zabiako A.P. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Moscow: 2016, 2014, no. 11, pp. 26–36 (in Russian).
47. Zabiako A.P., Zabiako A.A., Efendieva G.V. et al. *Legendy starogo Harbina. Istoricheskij putevoditel'* [Legends of Old Harbin. Historical Guide]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gosuniversiteta, 2022, 186 p. (in Russian).
48. Zabiako A.P., Zabiako A.A., Zinenko Ya.V. *Arheologiya i etnografiya Priamur'ya* [Archaeology and ethnography of the Amur region]. Novosibirsk.: Iz-vo IAET SO RAN, 2023, pp. 201–225 (in Russian).

Submitted for publication: January 20, 2025.

Accepted for publication: February 19, 2025.

Published: September 30, 2025.